

— Клянусь серпом моего отца! — закричал побледневший старик и бросился в изнеможении на скамью. — Мы увидим, Крюшо. Подождите.

После минутного молчания, после минутной агонии, Гранде начал снова, взглянув на нотариуса.

— Тяжела, горька наша жизнь, Крюшо; много, много в ней тяжких горестей. Крюшо! — сказал старик торжественным голосом, — вы, верно, меня не обманываете? Поклянитесь мне по чистой совести, что всё, что вы сейчас распевали, написано в законах; да, я хочу видеть сам книгу, хочу посмотреть в своде законов! дайте мне свод законов! 10

— Да неужели же я не знаю моей должности, моего ремесла, Гранде?

— Так это правда? Это правда? Меня обокрадут, убьют, зарежут, съедят, высосут кровь мою, жизнь мою!.. и всё это дочь, всё это родная дочь! Она наследница после матери; да для чего же эти наследники, для чего дочери? Жена — дело другое! Я люблю жену, я обожаю жену мою! Она хорошего здоровья, она крепкого сложения, она урожденная Ла Бертельер!

— Да ей не прожить и месяца. 20

Гранде ударил себя в лоб, прошел несколько шагов, потом опять воротился и бросил ужасающий взгляд на Крюшо.

— Что делать? — спросил он.

— Видите ли: Евгения, если захочет, может просто и прямо отказаться в вашу пользу от наследства по матери; ведь вы же не захотите потом лишить ее наследства, не правда ли? Но чтобы заставить ее согласиться на это, не нужно поступать с нею жестоко; ведь что я вам теперь говорю против моего же интереса, старый друг мой. Ведь мне же выгода; я буду совершать купчие, делать записки, писать обязательства... 30

— Хорошо, хорошо, полно об этом Крюшо; вы разрываете мое сердце на части. Что, достали ли вы золота?

— Нет, но у меня есть несколько старых луидоров, — так, с десятков; я, пожалуй, поменяюсь с вами. Ах, друг мой! помириться-ка с вашей дочерью; в городе чуть камнями в вас не бросают.

— Глупцы.

— Фонды теперь по 97, 75. Будьте хоть раз в жизни довольны.

— 97, 75! неужели? Крюшо?

— Да, да!

— 97, 75! ну, ну! — повторял старик, провожая своего друга до ворот. 40

Сильно взволнованный неожиданною новостью, старик не мог быть спокойным. Он побежал к жене.